

Р.Г. Апресян

Жизнь в профессии¹

В какой семье Вы воспитывались? Повлияла ли Ваша семья на выбор профессии? Кто вообще оказал наибольшее влияние на выбор профессии?

Моя профессия и жизнь в ней в определяющих своих воплощениях стали прямым продолжением семейных традиций. Когда я определялся с выбором и учебного заведения – МГУ им. Ломоносова, и факультета – философского, мой отец, Г.З. Апресян, был профессором кафедры философии Института повышения квалификации этого университета. Правда, по юности лет я пытался вести себя самостоятельно, и выбор мой не сопровождался обсуждением этого вопроса с отцом. Моему поступлению на факультет он никак мне не споспешествовал.

Атмосфера семьи, сколько я помню, не могла не вдохновлять к получению знаний, к творческой работе, к работе настойчивой, добросовестной, с полной отдачей. В моих воспоминаниях, отец – либо с раннего утра за пишущей машинкой на фоне книжных стеллажей или с книгой в руках, или с конспектом лекции, или с версткой готовой к печати работы; уж и не сказать, скольких людей из разных

~19~

мест СССР он консультировал, подробно разбирая присылаемые тексты, которые (ведь все еще длилась докомпьютерная эра) все были на виду – пухлыми папками с рукописями и кирпичами диссертаций. Конечно, сохранились и другие образы, но они, в общем, периферийны. Даже будучи в почтенном возрасте, он брался за новые темы и направления исследований, порой начиная свои исследовательские изыскания и наработки почти с нуля. И сегодня редко бывает, чтобы при моем посещении какого-нибудь университета в России или за ее пределами на просторах бывшей большой страны, мне не встречался какой-нибудь преподаватель в преклонных годах с вопросом, не имею ли я отношение к Гранту Захаровичу, профессору ИПК, автору таких-то и таких-то трудов, и высказывающего свое почтение к памяти отца. Это лишь подтверждает мне мою фамильную идентичность, не говоря о других косвенных и формальных ее референциях, связанных с более широкой семьей Апресянов. В последние годы отец писал воспоминания, устраивая время от времени пробные чтения для близких семье людей. Воспоминания были ограничены началом 1920-х годов, и в какой-то мере писались под прессом самоцензуры, но первые главы, посвященные моему деду, учителю и священнику, в небольшом армянском городке, а также старшему брату отца, были написаны вольно и безоглядно. Вообще моим подступам к профессии моя фамилия, атмосфера семьи и ее повседневная жизнь мне только содействовали. Мне не надо было специально осваивать профессиональную среду и ее этос.

Для моего личного развития большую роль сыграли и матушка и дядя, ее старший брат, который, не имея своей семьи, уделял мне массу времени. Они оба, как и другие их братья и сестра, приехали в Москву из Еревана в конце 1920 – начале 1930-х годов, чтобы учиться в высших учебных заведениях. Моя мать была пианисткой; ради меня она оставила исполнительскую карьеру и преподавала фортепиано в известном московском музыкальном училище. Но она никогда не

~20~

бросала игру, а выйдя довольно рано на пенсию, включилась в концертную деятельность, осваивая все новые и новые произведения и исполняя их только по памяти. Ценности образования, профессии, творческого труда не просто составляли часть семейного духа, они по разным поводам и в разных контекстах постоянно проговаривались. Они были безусловными.

Значительное влияние на мое утверждение в выборе профессии оказала личность учителя истории и обществоведения в старших классах школы. Правильнее было бы сказать, это стало внешним

и как бы «беспристрастным» фактором фокусировки соответствующих семейных впечатлений и семейного опыта.

В сентябре 1971 года, недели через две после начала занятий на первом курсе, мне попала в глаза в девятой книжке «Нового мира» статья В.П. Эфроимсона «Родословная альтруизма». В ней показывалось, что альтруизм и другие моральные качества человека сформировались в процессе эволюции и являются генетически предопределенными. Эта статья стала определяющей в выборе мной специализации на философском факультете. Потом я не раз ее перечитывал. В.П. Эфроимсон открыл мне и «Этику» П. Кропоткина, а спустя несколько лет стал предпосылкой для освоения англоязычной социобиологии – научного направления, в рамках которого ученые-биологи, главным образом представители эволюционной генетики, стремились доказать эволюционную предопределенность основополагающих характеристик социальности. И хотя позже в одной из своих работ я подверг критическому разбору теоретические установки социобиологии, именно статья Эфроимсона сыграла для меня роль указателя в этику.

Вы свою биографию строите или чаще всего просто реагируете на жизненные обстоятельства? Какие наиболее важные, ключевые решения Вы принимали на своем жизненном и профессиональном пути? Как эти решения повлияли на ваш жизненный и профессиональный путь?

Эпизод со статьей Эфроимсона, пожалуй, типичен для моего отношения к жизненным обстоятельствам: я отзывчив, избирательно отзывчив. Года через три после статьи Эфроимсона я оказался в другом *случайном* «жизненном обстоятельстве», сыгравшем значительную роль для

~21~

моей жизни в профессии. Будучи студентом, как и многие другие в моем окружении, я покупал практически все выходявшие книги философской классики, регулярно, не менее раза в неделю обходя по сложившемуся маршруту книжные магазины, в первую очередь букинистические, в центре Москвы. Однажды в букинистическом в Столешниковом мне попала совсем новая книга из серии «Памятники эстетической мысли»: «Френсис Хатчесон, Давид Юм, Адам Смит. Эстетика». Дома, бегло пролистав книгу, я поставил ее на книжную полку. Недели через две, что-то читая, я отвлекся, рассеянно взглянул на книжную полку и наткнулся взглядом на эту книгу, по поводу которой у меня вдруг возникло предположение возможной темы для курсовой, что-то вроде: проблема идеала в учениях мыслителей, собранных в этом сборнике. (Само это предположение не стоило бы упоминания, если бы эта тема потом не всплывала вновь и не воплотилась в каких-то специальных разработках). При первой возможности я обратился за консультацией по поводу этой темы к А.Ф. Грязнову, тогда молодому преподавателю, ведущему семинарские занятия по истории зарубежной философии, который предложил мне лучше подумать о проблеме *морального чувства*, причем, может быть, для начала только у Хатчесона. На эту тему и была написана курсовая на четвертом курсе, потом, в несколько расширенном – виде дипломная работа, развитая чуть позже в кандидатскую диссертацию. Об этике морального чувства были и мои первые статьи, а потом на эту тему вышла и первая книжечка.

Было ли это реагированием или выстраиванием, трудно сказать. Я принял решение специализироваться по этике, но это решение оформилось благодаря прочтению статьи Эфроимсона, и не потому что это была статья на тему, приближенную к этике (хотя и написанную на другой основе), а потому, что она была про альтруизм. Мне случайно попался на глаза сборник теоретиков морального чувства XVIII века, они почему-то мне приглянулись, хотя книга стояла на полке среди многих других книг мыслителей этого же периода, более

~22~

известных и значимых – не потому же, что эта книга была первой из той серии и необычной по своему дизайну? И я увидел в ней возможность темы, которая никак не вытекала ни из названия книги или серии, ни из дизайна; я обратился за консультацией к специалисту по этому периоду истории философии, но все же преподавателю другой кафедры. Откуда взялась во мне та, не случившаяся тогда тема, сейчас уж не разобраться, но обусловлена была, по-видимому, не только опытом обучения.

Как Вы «входили» в профессию? В чьей научной школе формировались? Какие личности оказали наибольшее влияние на Ваше становление в науке?

«Входил» в профессию через кафедру этики МГУ, через специализацию по этой кафедре, посредством своего первого и единственного научного руководителя – А.А. Гусейнова. Прослушав его первую лекцию в спецкурсе по истории античной этики, я тут же подошел к нему с предложением

писать курсовую работу по античной этике (конечно же сразу всей). Тогда, в начале третьего курса я переживал недоосвоенность античности в курсе истории философии, в каникулы, после стройотряда, пытался что восполнить, и спецкурс по античной этике представлялся мне отличной для этого возможностью. А.А. Гусейнов в ту пору, как я сейчас понимаю, сам был молодым преподавателем, ему не было и 35-и, но он уже был доцентом, голова его была почти полностью покрыта сединой, и уже тогда все что он ни говорил, он говорил убедительно и основательно. Он выслушал меня внимательно, заметил, что мой замысел подошел бы скорее для докторской и предложил писать курсовую по первой главе «Никомаховой этики» Аристотеля, что я по-ученически благополучно исполнил.

Через год А.А. Гусейнов легко согласился с моим намерением писать курсовую работу по Хатчесону. Так сложилось, что примерно в то же время с ним советовался один соискатель о возможности писать диссертацию по этике Д. Юма. Гусейнов поддержал эту тему и уточнил ее, предполагая, как я потом узнал, возможную комплементарность наших двух исследований. Я говорю, *исследований*, имея в виду, что тема природы «морального чувства» в этическом

~23~

сентиментализме стала для меня первым настоящим делом в профессии, продолжившись не только в кандидатской диссертации, но и далее, причем двояко, в моих несистематических историко-философских студиях и почти систематически в исследовании природы морали. Мой научный руководитель задал мне определенную модель этических исследований – с опорой на историю философию. Помимо историко-этических уроков я почерпнул из его работ и уроки этико-теоретические. В главном это касалось его разработок золотого правила нравственности, в частности в связи с талионом, – разработок, несомненно, пионерских, о чем мне уже приходилось говорить подробнее не раз. Идея золотого правила в интерпретации Гусейнова предопределила содержательные рамки моего понимания морали. Думаю, моя изначальная, почти импринтинговая, референтность трем этическим темам: альтруизму (пусть и в эволюционистской интерпретации Эфроимсона), сентименталистской трактовке морали, в которой существенную роль играла концепция благожелательности-симпатии (когерентная идее альтруизма), и золотому правилу задала мои теоретические установки, а на будущее и тематические пристрастия, и образ мысли в философии.

Пожалуй, до сих пор я отношусь к А.А. Гусейнову как наставнику, при разнообразии и других аспектов наших отношений. По крайней мере несколько раз его по-разному выраженные наставления, советы, предложения становились для меня жизненно существенными. На пятом курсе я вдруг (хотя как ясно из выше сказанного, не совсем вдруг) захотел писать дипломную работу на тему то ли нравственного, то ли общественного идеала. А.А. Гусейнов внимательно меня выслушал и, в характерной для него манере сдержанно одоблив тему, тут же добавил, что с такой темой мне надо будет обратиться с просьбой о руководстве к другому профессору кафедры этики. Убедившись в правильном эффекте от своего предложения, он порекомендовал мне продолжить изучение этического сентиментализма.

~24~

Позже он привлек меня к работе над учебником «Основы этики» (1987) и шестым изданием «Словаря по этике» (1989), убедил перейти с кафедры этики МГУ им. Ломоносова (где я все больше чувствовал себя стесненно в творческом отношении), на работу в Институт философии (1987), вовлек в исследования и разработки в области этики ненасилия, предложил вместе поработать над учебником «Этика» (1998) и энциклопедическим словарем «Этика» (2001). Влияние этих проектов на мой профессиональный рост трудно переоценить. Эти проекты создавали органичные рамки, или направляющие моей профессиональной жизни.

В период моего профессионального становления на меня определяющее влияние оказал О.Г. Дробницкий, к сожалению, только как автор – встретиться с ним мне, увы, не довелось. Его монографию «Понятие морали» я осваивал в несколько заходов, долгое время она была у меня чуть ли ни настольной книгой. Я ее читал, изучал, штудировал, будучи и студентом, и аспирантом, и потом, став молодым преподавателем. Да и сейчас некоторые теоретические вопросы я, пожалуй, трактую, опираясь на Дробницкого, на его понятие морали. О.Г. Дробницкий был и остается для меня образцовым теоретиком морали, предложившим такой стандарт теоретической строгости и концептуальной последовательности, который во многом остается недостижимым. В 1970-е Дробницкий задал для меня не только определенный уровень философии морали, но и показал возможность интеллектуальной свободы, идеологически не ангажированного философствования. Уже в наше время я подготовил к изданию сборник избранных трудов Дробницкого, вышедший в 2002 г., попытавшись выразить этим изданием свое отношение к этому замечательному ученому.

Восприняв многие идеи, подходы Дробницкого, признавая для себя заданный им уровень теоретизирования в этике образцом, я, вместе с тем, с какого-то момента пошел своим путем, и уже прошел по этому пути довольно далеко. Главное в моем отходе от Дробницкого состоит в убежденности

~25~

в том, что невозможно выстроить понятие морали, не отталкиваясь от «самоочевидностей» самого нравственного опыта и игнорируя то содержание, которое несут в себе реальные моральные представления. Я понял это на своем опыте. В 1986 г. у меня вышла полу-популярная книжка «Постижение добра». В ней, говоря добре, я попытался представить мораль вообще. Я отталкивался, с одной стороны, от теоретических результатов своего историко-философского исследования, а с другой – от многолетнего изучения Дробницкого. Для того времени и моего возраста эта книжка была успехом: большой тираж, его быстрая распродажа, читательские отклики. Вскоре мне было предложено написать статью «Добро и зло» в «Словарь по этике» (о чем выше я упоминал), я с легкостью взялся за это дело, полагая, что на основе книжки про добро мне будет легко это сделать. Долго и трудно работая над статьей, я постепенно осознал, что в своей книжке, посвященной постижению добра, я в общем так и не сказал, что такое добро. Так получилось не потому, что я что-то упустил или мне нечего было сказать, – просто я находился в той парадигме этического мышления, которая не предполагала содержательных разъяснений морали. Между тем, моя книжка была выстроена именно так, как будто ведется обсуждение содержания морали, того, что есть добро и зло.

Через Дробницкого я осваивал Канта. А потом, спустя несколько лет, с опытом чтения Канта я открыл для себя Достоевского-философа. Восприятию Достоевского как морального философа мне помогли работы Ю.Н. Давыдова, главным образом, его книга «Этика любви и метафизика своеволия» (1982). В ней была реабилитирована идея любви в качестве этической идеи и показан действительный потенциал той философской и нормативной программы, которую Ю.Н. Давыдов выразил необычными для того времени словами «этика любви», – ключевыми словами для понимания как Достоевского, так и христианской этики вообще. С этикой любви (любви в смысле заботы, милосердия), а

~26~

также с этикой личного совершенства я и стал со временем ассоциировать основополагающее содержание морали, рассматривая известные другие (справедливости, самосохранения, солидарности и проч.) в качестве частного и производного выражения этих двух, основополагающих

Вскоре после выхода «Постижения добра» я попал в напряженную интеллектуальную ситуацию, в результате чего со мной произошла коренная умоперемена. В 1988 г., почти случайно я оказался участником организационно-деятельностной игры, которую проводил П.Г. Щедровицкий с коллегами во всесоюзном пионерской лагере «Артек» в Гурзуфе. Атмосфера игры, не самая благожелательная в отношении участников, необычные методы и формы обсуждений и, в частности, комментарии П.Г. Щедровицкого, правда, внешне нейтральные, по одному из моих выступлений по проблеме человека заставили меня задуматься о состоятельности разделяемых мной в то время теоретических установок. Спустя недели две, во время обсуждения в Институте философии доклада о соотношении общечеловеческого и классового в морали во мне вдруг случилась смена точки зрения на природу морали, ее источник и смысл, и главное касалось изменения в понимании содержания морали. Все мои последующие исследования проводились в развитие нового видения морали, непосредственным выражением которого стала книга «Идея морали» (1995), вышедшая после защиты докторской диссертации.

Сам по себе этот эпизод моей интеллектуальной биографии вряд ли что-либо говорит о «жизни в профессии», однако благодаря этому интеллектуальному приключению в моих знаниях произошла подвижка, ставшая поворотным моментом жизни в профессии. Она привела к новому пониманию того, что такое мораль (я говорю «подвижка», потому что позже я обнаружил среди своих прежних подготовительных материалов ранние разрозненные заметки, содержащие в себе все те идеи, которые потом обнаружилились в моем

~27~

новом понимании; качественно новыми стали характер их сцепленности и логические приоритеты в возникшей идейной композиции), и, вместе с тем, к пониманию того, что я это понимаю. Я знаю достаточно людей, считающих себя философами, у которых нет внятного понимания философии, я знаю некоторых, считающих себя специалистами в этике, у которых нет внятного понимания того, что такое мораль. Эти люди могут быть яркими авторами или лекторами, но я бы не назвал их про-

фессионалами. Так же можно быть профессионалом в философии, профессиональным философским работником, не будучи ярким автором или лектором. Последним я ничуть не хотел бы принизить значение профессионализма. В общем, дальше принижать значение профессионализма в нашей стране уже некуда. Недостаток профессионализма в нас уже стало национальной чертой, и сродни качеству дорог, это – проблема еще большая, чем обилие тех, кого обычно вспоминают, говоря о дорогах в России. Но я хотел бы отметить, что профессионализм предполагает рефлексивность – понимание того, что ты знаешь и не знаешь, что умеешь и не умеешь.

Еще одним источником профессионального развития было для меня общение, совместная работа и проектное сотрудничество с зарубежными коллегами, благодаря чему, помимо расширения познавательного и общекультурного горизонта, для меня стало возможным знакомство с другой, более развитой и утонченной по сравнению с известной мне культурой интеллектуального труда.

Создали ли вы свою научную школу? Если «да», как это происходило? Как Ваша школа развивается?

Вопрос о «своей научной школе», на мой взгляд, в силу того, что было сказано выше – это *другая тема* в разговоре о профессионализме. Это вопрос качества достижений, успеха, способности преобразовывать и формировать свою среду. *Профессионализм* – это характеристика способа и, как следствие, качества производимой работы.

Но если вопрос поставлен, скажу, что «своей научной школы» я не создал. У меня есть сотрудники, вместе с которыми я работал и работаю над разными проектами, я

~28~

очень дорожу этим сотрудничеством. Впрочем, нередко и это у нас называется «научной школой». Мне кажется, что есть несколько коллег, чьи взгляды сложились под влиянием моих работ и общения со мной, и некоторые из них это осознают.

ТюмНГУ открывает в Интернете сайт, на котором будут представлены наши ведущие профессора. Попытайтесь кратко и доступно для неспециалистов раскрыть предмет своей исследовательской деятельности.

Предмет раскрыть просто: а) мораль, в частности, природа морали, ее базовые императивные формы, под которыми я понимаю золотое правило («Поступай по отношению к другим так, как ты бы хотел, чтобы они поступали по отношению к тебе»), заповедь любви («Возлюби ближнего своего, как самого себя») и талион («Поступай по отношению к другим так, как они поступают по отношению к тебе»); б) история этики как философии морали; в) нормативная этика и ее отдельные проблемы, связанные с содержанием отдельных моральных норм и ценностей; в) прикладная этика, разные ее отрасли; в настоящее время более всего – экологическая этика; г) философия любви, в частности, различие классической и постклассической парадигм в философии (теориях) любви; д) проблемы насилия и ненасилия, войны и мира.

Есть ли у вас неписанный свод правил поведения в науке, в преподавании, который бы вы хотели «передать по наследству» вашим нынешним аспирантам?

Никогда об этом не задумывался. Но в ответ на поставленный вопрос могу сформулировать в виде принципов следующее:

* Стремиться к истине, быть честным в стремлении к истине; дорожить истиной, не взирая на Платонов.

* Быть добросовестным.

* Уважать свершения других в поиске истины; пользуясь чужими данными, аргументами, идеями, признавать чужое авторство.

* Лелеять свои научные, творческие интересы; не позволять стремлению к выгоде (материальному достатку, известности, власти) брать верх над стремлением к истине.

* Делиться своим опытом с коллегами.

* Быть откровенным с коллегами.

~29~

* Заботиться о своем научном сообществе; поддерживать его участием в дискуссиях и организацией дискуссий.

* Осваивать и развивать культуру научного и педагогического труда, включая его техническую и формальную сторону.

+ Какими бы ни были студенты, относиться к ним как к (потенциальным) коллегам.

+ Относиться к преподаванию как разновидности исследовательской или проектной деятельности.

+ Быть со студентами, честным, требовательным, справедливым.

Совместимо ли служение в профессии с отечественными реалиями наших дней?

Служение профессии, если не смешивать служение с эффективной и результативной работой, совместимо с любыми реалиями, потому что служение определяется не по отношению к реалиям, а по отношению к профессии. Если реалии не подходящи, то служение требуется вдвойне – ради сохранения профессии. Профессиональный труд может не вписываться в реалии, а еще больше не соответствовать моим частным интересам, например, связанным с обязанностью растить и воспитывать детей и тех, кто находится на моем попечении. Кто-то может избрать служение профессии за счет заботы о собственных детях и находящихся на попечении.

Как бы вы охарактеризовали успешного профессионала в вашем деле: в преподавании? в науке?

Если речь идет об успехе, т.е. внешнем признании достижений современниками, то –
В преподавании:

* студенты стараются не пропустить Ваши занятия и приводят с собой своих друзей;

* студенты и аспиранты стремятся заполучить Вас в качестве научного руководителя;

* преподаватели других вузов ходят на Ваши занятия и стремятся получить у Вас консультацию;

* Ваши коллеги заходят к Вам на занятия;

* написанные Вами учебники и учебные пособия пользуются успехом;

* Вы знаете, чем лекция на определенную тему для первокурсников отличается от лекции для пятикурсников и

~30~

чем – для аспирантов, и знаете, как по-разному прочесть такие лекции. Соответственно, Вы знаете, как по-разному определенный курс должен читаться для студентов и аспирантов;

* Вы знаете, как определенную тему по-разному раскрыть в виде лекции, интерактивной лекции, проблемного семинара, группового ситуационного анализа.

В науке:

* Ваши статьи замечают, цитируют, с ними полемизируют;

* на Ваши книги появляются неорганизованные рецензии;

* незнакомые люди, услышав Вашу фамилию, улыбаются Вам как доброму знакомому;

* Вас персонально приглашают на разные конференции, к тому же в качестве основного докладчика;

* Вы не просто эрудированны и понимаете различие между подходами разных школ к определенной проблеме, но и можете в различных исследовательских целях или ради игры ума применять различные методологии к анализу определенной проблемы.

Считаете ли вы себя успешным профессионалом?

Считаю, но если судить по вышеприведенным критериям, то лишь едва наполовину. Мое имя известно не только среди специалистов в моей узкой области. Однако в первую очередь как соавтора (вместе с А.А. Гусейновым) учебника «Этика», а также одноименного словаря. Коллеги могут знать какие-то из моих работ, но мне известно не много случаев, когда к предложенному мной подходу прибегают в полемике с другими подходами или вступают в полемику с предложенным мной подходом. Нередко в каких-то узких областях уровень моей эрудиции и моего понимания оказываются выше демонстрируемого коллегами, но именно в узких областях.

Я не раз слышал, как меня называют «везунчиком» (с разной степенью благожелательности). Мне никогда не приходилось искать заработка вне профессии; более того,

~31~

профессия приносит мне достаток. Мне поступает немало предложений участвовать в различных начинаниях и проектах; предложений бывает так много, что даже от интересных (как по содержанию, так и по оплате) приходится отказываться из-за недостатка времени и сил. Я сам инициировал немало коллективных проектов, участие в которых было благотворно для моих коллег (как в содержательном, так и материальном планах).

Вместе с тем, я недостаточно эффективен, в плане соотношения времени и результатов. Публикуя немало статей в довольно широком тематическом диапазоне, я уже несколько лет я не могу исполнить свои замыслы монографических работ, из которых одна написана (но композиционно не сложена) более чем наполовину, а две другие – на треть. В этом я вижу свою неуспешность. Но утешаюсь я тем, что у меня есть неотложные цели, они для меня значимы лично, и мне всегда есть и будет чем заняться, в любую погоду.

~32~

¹ Интервью опубликовано под названием: «...В моем отношении к жизненным обстоятельствам я избирательно отзывчив».